

жение Смердяковым темы единства, на композиционном уровне такое единство, тем не менее, возникает. Сквозные цитаты делают именно то, к чему Смердяков стремился и что он иронически отвергал. В первом случае парафраз слов Писания «не знаю; разве я сторож брату моему?» (Быт. 4:9), которым Смердяков подчеркнул свою отделенность от Дмитрия и Алеши, объединяет Смердякова с Иваном, а через него и с остальными братьями. Во втором – парафраз слов Христа «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18:20), которым Смердяков указывает на свое фальшивое единство с Иваном, объединяет его со старцем Зосимой, в речи которого также возникает парафраз слов Христа, и указывает на возможность и для Смердякова соединиться с другими во Христе. И, наконец, в третьем случае мотив Сретения (см. Лк. 2:23-29) объединяет Федора Павловича и Смердякова.

Мы разобрали три примера: два из них представляют собой сквозные цитаты в чистом виде, а последний правильнее будет назвать сквозным евангельским сюжетом. Все они соединяют персонажей композиционно, заставляя читателя сопоставить оба появления отсылки. Но и сюжетно они объединяют персонажей, так как говорится в них о братстве, единстве и встрече.

Литература

1. Томпсон Д. «Братья Карамазовы» и поэтика памяти. – СПб., 2000.
2. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 14. – Л., 1976.
3. Меерсон О. Библийские интертексты у Достоевского: кощунство или богословие любви // Достоевский и мировая культура. № 12. – М., 1999.
4. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 15. – Л., 1976.

Е.Г. Новокрещенных

аспирант кафедры русской литературы Бурятского государственного университета
г. Улан-Удэ

Образ автора в автобиографической прозе Я.П. Полонского

Статья посвящена исследованию особенностей автобиографической прозы поэта Я.П. Полонского. Особое внимание уделяется образу автора, его характеристике.

E. Novokreshennich

Author's image in autobiographical prose of Y.P. Polonsky

The article is about autobiographical prose of Polonsky. The main idea of the paper is to analyze the author's image in autobiographical prose.

Активизация интереса к автобиографиям и мемуарам как со стороны их создателей, так и со стороны читательской аудитории вызвана, на наш взгляд, теми процессами, которые происходят в жизни современного общества в целом и в литературе в частности. Не ставя в настоящей статье задачу исследования глубинных причин этого явления, отметим, что с ним связан интерес и литературоведов к автобиографии, ее истории, эволюции, поэтике. В научной литературе автобиография определяется следующим образом: «...литературный жанр (как правило, прозаический); последовательное описание автором истории собственной жизни. Для автобиографического описания характерно стремление осмыслить прожитую жизнь как целое...» (1, с.15). Опираясь на высказывание М.М. Бахтина о жанре как знаке литературной традиции, являющемся «памятью искусства»: «Жанр живет настоящим, но всегда помнит свое прошлое, свое начало» (2, с.122), отметим, что сохраняющаяся функция памяти является основополагающей для автобиографического жанра. Уяснение жанровой специфики автобиографической прозы важно для запечатленной в ней концепции мира и человека.

Существуют критерии, выделенные французским ученым Ф. Леженом, которые позволяют отграничить жанр автобиографии от других смежных жанров. Это форма речи – рассказ, проза; сюжет, в основе которого лежит описание жизни, истории личности; позиция автора, предполагающая тождество автора (чье имя указывает на реальную личность) и повествователя; позиция повествователя, предполагающая тождество повествователя и главного персонажа; ретроспективная перспектива повествования (3, с.112).

Таким образом, автобиография – это ретроспективный рассказ в прозе, в котором реальное лицо повествует о собственном существовании, описывает свою личную жизнь. Воспоминания в автобиографии – один из способов изображения событий. Они фиксируют те явления действительности, которые сыграли значительную роль в формировании и становлении личности. Остальные жанры, близкие автобиографии, не соответствуют тому или иному условию: мемуары ставят акцент не на личной жизни автора, а на событиях, свидетелем которых он являлся; личный дневник не имеет ретроспективной перспективы повествования; в биографии повествователь не тождествен главному персонажу. При этом важно отметить, что автобиографическая составляющая является необходимым компонентом и мемуарного повествования, и дневников, и биографий.

Особое место в автобиографической литературе принадлежит воспоминаниям русских поэтов второй половины XIX в. – А.А. Фету, А.А. Григорьеву, Я.П. Полонскому. Автобиографическая проза данных поэтов почти никогда не являлась объектом самостоятельного рассмотрения. Между тем автобиографические высказывания каждого из поэтов являются важной составляющей их художественного творчества. Автобиографические произведения Я.П. Полонского «Старина и мое детство» и «Мои студенческие воспоминания» в гораздо меньшей степени известны широкому кругу читателей, чем его лирика. Впервые они были опубликованы в 1898 г. в ежемесячных приложениях к журналу «Нива». В XX в. автобиографическая проза Полонского была переиздана несколько раз, последний – в составе двухтомного сочинения в 1986 г. Обращение к воспоминаниям Полонского позволяет расширить наше представление о художественном мире поэта, уточнить их место в типологическом ряду сочинений подобного рода. Кроме того, изучение автобиографических произведений Я.П. Полонского, безусловно, будет способствовать выявлению характерных особенностей, связанных с особым мировидением поэта, с образом его лирического героя.

Воспоминания Я.П. Полонского отражают важные моменты детства, юности, зрелости (смерть матери, бабушки, учеба в гимназии, университете, разочарование в любви, первые пробы пера), описывают семью поэта, воссоздают историю рода Полонских. Семья в представлении поэта – это не столько быт, сколько духовное родство душ. В воспоминаниях запечатлены встречи с прославленными современниками (поэтами, литературными критиками, актерами, общественными деятелями); события длительного времени: от первых лет жизни до зрелого возраста. В автобиографии Полонского временные границы зависят от значимости для автобиографического героя описываемых событий. Так, время своего раннего детства поэт называет мифическим: «В это мифическое время я помню еще, как раз, в отсутствии моих родителей, моя Матрена взяла меня на руки и побежала к заставе на Московскую улицу... Я хоть и таращил глаза, но не только не подозревал, что это был въезд императора Александра I в Рязань, не подозревал даже, что есть на свете императоры; знал только, что есть мама, Матрена, кучер Федот, лакей Трофим, горничная Улита, братнина няня Дуня – и с меня этого было весьма достаточно» (4, с.362). Очевидно, мифичность детских лет связана прежде всего с окружением героя, которое составляют самые близкие ему люди.

В целом по характеру описываемых в воспоминаниях событий, по пафосу высказываний автобиографическая проза Полонского является традиционной. Традиционна центральная проблема произведения – становление личности и принципы временной и сюжетной организации. Вместе с тем это особый тип автобиографической прозы – прозы, созданной поэтом. Главная особенность этого типа прозы – «повышенная эмоциональность, органично сочетающаяся с постоянно заявляемой личностностью, субъективностью повествования» (5, с.51).

Особое место в образной системе воспоминаний занимает образ автора, близкий образу лирического «Я», который одновременно является и субъектом, и объектом описания. На первый план автор-герой выносит историю собственной жизни, делая самоанализ предметом познания и комментирования: «Мои воспоминания будут, во-первых, ничем иным, как проблеском того, что особенно на меня влияло, раздражало, радовало, пугало или смущало, и, во-вторых, они если и будут иметь какой-нибудь интерес, то прежде всего интерес психологический и затем бытовой» (4, с.360). Поэт рассматривает сложность человеческого «я», тождество «я» в прошлом и настоящем: «Не верь тем мудрецам, которые говорят тебе, что твое «я» изменилось, что оно может меняться и даже двоиться... Окружность может и увеличиваться, и не-

правильно расширяться, и получать иную окраску, будет меняться длина радиусов, но центр их всегда останется один и тот же...» (4, с.381). В становлении и развитии личности поэта важную роль играют первые воспоминания о зарождении характера: «С чего начинается наше самопознание – этого никто не помнит, и я не помню, полагаю только, что у всех оно начинается с того момента, когда мы перестаем купаться в красках и очертаниях и начинаем кое-что наблюдать и запоминать, когда наше «Я» положит начало двум отдельным мирам: внутреннему и внешнему, душевному и материальному» (4, с.361). В данном случае автор сознает себя не просто сочинителем, а действующим лицом произведения, персонажем, несущим большую смысловую нагрузку. Самосознание автора-героя в воспоминаниях Полонского является организирующим центром повествования.

Заметим, что в автобиографических произведениях поэта в качестве ведущего принципа, обеспечивающего целостность, связность и субъективность повествования, выступают сигналы памяти: «я помню только», «припоминая», «помню», «дальше я помню», «помню я себя». Сема «память» и сигналы припоминаний играют роль ключевых слов: они приобретают смысловые приращения, служат объектом авторской рефлексии.

В автобиографической прозе Полонского значимую функцию выполняет предметный мир. Он помогает памяти воскрешать события прошлого, часто является отправной точкой воспоминаний. Это образы усадебного мира (двор, сад), предметы быта (самовар, комод, книги, портреты, тканый ковер, английские столовые часы, изразцовая печь с карнизом). Символическое значение в сознании поэта приобретает образ дома, усадьбы. Дом выступает в качестве положительно маркированного образа, сюжетной доминанты автобиографического произведения. Особенно памятен поэту дом бабушки: «Деревянный дом моей бабушки (до ее кончины) в наше время показался бы чем-то вроде любопытной редкости... Из передней шла дверь в небольшую залу. В этой зале вся семья и мы по праздникам обедали и ужинали... Пол в этой зале был некрашеным, потолок обит холстом, выкрашенным в белую краску; посередине висела люстра из хрусталиков...» (4, с.370). Дом и усадьба – не просто гостеприимное жилище, это ценностное пространство, несущее свет, надежду, нравственный ориентир в системе жизненных ценностей. Именно в атмосфере дома и семьи происходило формирование духовного облика поэта. Описание дома, где жила семья, протекали детство и юность автора, материализует прошлое и осязаемо восстанавливает родственные связи. С образом дома и усадьбы связаны в автобиографических текстах Полонского образы его родных (мамы, отца, бабушки, теток), друзей, поэтов (А.А.Фета, А.А.Григорьева и др.).

При создании характеристик ближайшего окружения автор использовал элементы статического и динамического портрета. Так, в характеристике современника Полонского, поэта А.А. Григорьева, встречаем такое описание внешнего облика: «Тогда он был еще свежим, весьма, благообразным юношей с профилем, напоминающим профиль Шиллера, с голубыми глазами и с какою-то тонко разлитой по всему лицу восторженностью и меланхолией» (4, с.412). В воспоминании о писателе А.Ф. Писемском Полонский также обращает внимание на его внешность: «Это был небольшого роста молодой человек с испытанным лицом и темными пронзительными глазами» (4, с.427). Отметим, что при описании своих героев автор, как правило, акцентирует внимание на таких психологических деталях, как взгляд, глаза, которые выражают самые глубинные человеческие чувства: страсть, грусть, печаль, радость. Особенно ярко запечатлелся в детском сознании Полонского образ матери – Натальи Яковлевны Кафтыревой, приобщившей его к миру искусства. В противоположность отцу поэта мать была женщиной мягкой и чувствительной: «Мать моя была олицетворенная любовь и кротость. Я ни разу не слышал от нее ни одного бранного слова... Мать моя была со мной ласкова и предупредительна». Смерть Натальи Яковлевны поэт пережил особенно тяжело. В художественной автобиографии воспоминания и впечатления о смерти близкого человека – один из основных этапов становления личности главного героя. Полонский столкнулся со смертью горячо любимой матери, которая оставила в его душе сильное впечатление в детском возрасте: «Меня охватило ужасом... я упал на колени перед образом и стал молиться. Я стал просить Бога о том, чтобы он воскресил мою мать». Смерть матери наполнила душу поэта отчаянием и тревогой. После ее смерти в жизни семьи Полонских начинается новый период: «...пиршества уже не приходили нам в голову с тех пор, как мы лишились матери. Я помню целые часы унынья, жажду уйти в

монастырь или в лес – спасаться ...» (4, с.408). В данном отрывке автор предстает как человек чувствительный, эмоциональный, глубоко переживающий трудные моменты жизни.

Кроме воспоминаний о семье, автобиографические произведения Полонского насыщены колоритными описаниями современной ему эпохи второй половины XIX в., которая становится фоном и предметом повествования. Важное место в них занимают воспоминания о литературной жизни того времени и литературных пристрастиях, воспоминания об общественных деятелях, видных представителях современного литературного процесса: о критиках Ю.Ф. Самарине, А.С. Хомякове, писателях К.С. Аксакове, В.Ф. Одоевском, педагоге, литературоведе Л.И. Поливанове и др. Воспоминания Полонского показывают, что он был точкой пересечения множества литературных, общественных, личных отношений между людьми своего времени. Из этого круга воспоминаний создается образ автора как человека интеллигентного, творческого, отзывчивого, доброжелательного, высоко ценящего дружеские отношения: «Я верил в дружбу и пользовался доверием и расположением немногих друзей своих» (4, с.441); «В любви у меня не было счастья, потому ли, что я глупел и терялся, когда любил, или потому, что не было и повода платить мне взаимностью... но были у меня преданные друзья, до самого гроба сохранившие ко мне привязанность» (4, с.430).

Итак, к характерным особенностям автобиографической прозы Я.П. Полонского следует отнести: время воспоминаний, охватывающее не весь жизненный путь, а один определенный отрезок времени – от младенчества до юности; пространство воспоминаний – дом, усадьба, гимназия, университет; сосредоточенность автора на тех внутренних духовных переворотах, которые он пережил (смерть матери, бабушки, учеба, первая влюбленность, пробы пера); особая система персонажей, выдвигающая на первый план людей, близких автору, – членов семьи, ближайших родственников, друзей; культурологический контекст – описание быта и нравов второй половины XIX в. События в автобиографической прозе Полонского разворачиваются так, как это необходимо прежде всего для выявления облика автора и его отношения к изображаемым фактам жизни. При этом, создавая свои произведения в жанре автобиографии, поэт испытывал ту же острую потребность в самовыражении, как и в лирической поэзии.

Литература

1. Автобиография // Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М.: Интелвак, 2001.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979.
3. Лежен Ф. В защиту автобиографии. Эссе разных лет // Иностранная литература. – 2004. – № 4.
4. Полонский Я.П. Старина и мое детство. Мои студенческие воспоминания // Полонский Я.П. Соч.: в 2 т. Т. 2. – М., 1986.
5. Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1991.

Н.В. Вершинина

аспирант кафедры русской литературы Бурятского государственного университета
г. Улан-Удэ

Мотивы времени и пространства в стихотворении А.А. Фета «Никогда»

На примере стихотворения «Никогда» автор рассматривает мотивы пространства и времени в поэзии Фета и приходит к выводу о том, что поэтом была создана собственная концепция вечности, заключающая в себе в качестве основных элементов категории пространства и времени.

N. Vershinina

Time and Space Motives in the Fet's Poem «Never»

The article's author speak about the peculiarities of the named motives. Time and space categories are the main one in this conception. Time and space categories are very peculiar in the «Never» and they prove the originality of the Fet's eternity conception. Here this categories are connect with other motives of the Fet's poetry.

Временные и пространственные представления, запечатлеваемые в литературе, составляют некое единство, которое, вслед за М.М. Бахтиным, принято называть хронотопом. «Хронотоп – утверждал ученый, – определяет художественное единство литературного произведения в его